

Научная статья

УДК 347.1 + 346.1

DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-32-38

Гражданско-правовые средства в механизме правового регулирования инвестиционных отношений

Валерий Николаевич Лисица

Институт государства и права РАН
Москва, Россия

lissitsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2334-5496>

Аннотация

В статье рассмотрены основные гражданско-правовые средства и их значение в механизме правового регулирования инвестиционных отношений. Обоснована и раскрыта ведущая роль гражданско-правового обязательства по вложению инвестиций, которое обычно возникает вследствие заключения инвестиционного договора. При этом другие правовые средства призваны обеспечивать надлежащее возникновение и развитие данного обязательства. Аргументирована необходимость модернизации действующего инвестиционного законодательства Российской Федерации, предусматривающей пересмотр многочисленных специальных федеральных законов, объединение в одном акте многих их общих положений и наполнение новым содержанием в целях надлежащего гражданско-правового обеспечения содержащихся в этих законах гарантий осуществления инвестиционной деятельности.

Ключевые слова

инвестиция, механизм правового регулирования, правовое средство, инвестиционное законодательство, гражданско-правовое обязательство, инвестиционный договор, гарантии инвестора, свобода инвестиционной деятельности

Для цитирования

Лисица В. Н. Гражданско-правовые средства в механизме правового регулирования инвестиционных отношений // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1. С. 32–38. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-32-38

Civil Law Means in the Mechanism of Legal Regulation of Investment Relations

Valeriy N. Lisitsa

Institute of State and Law RAS
Moscow, Russian Federation

lissitsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2334-5496>

Abstract

The article highlights the main civil law means and their role in the mechanism of legal regulation of investment relations. It is argued that the leading role is played by a civil law obligation to invest, which usually arises as a result of the conclusion of an investment contract. Other legal means are designed to ensure the proper emergence and development of such an obligation. It is concluded that the current investment legislation of the Russian Federation consisting of numerous special federal laws should be systematized throughout the unification of their general provisions in one legislative act and filling it with the new content aimed at the development of civil law provisions on investors' guarantees for the implementation of investment activities.

© Лисица В. Н., 2023

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1
Juridical Science and Practice, 2023, vol. 19, no. 1

Keywords

investment, mechanism of legal regulation, legal means, investment legislation, civil law obligation, investment contract, investor's guarantees, freedom for investment activity

For citation

Lisitsa V. N. Civil Law Means in the Mechanism of Legal Regulation of Investment Relations. *Juridical Science and Practice*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 32–38. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-32-38

Как известно, механизм правового регулирования представляет собой взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения [1, с. 267–285]. Исходным таким правовым средством является **норма права**, которая регламентирует и направляет поведение инвесторов и иных участников инвестиционных отношений. Она создается как на международном, так и национальном уровне и образует нормативную основу для ведения инвестиционной деятельности, которая в настоящее время представлена огромным массивом норм, содержащихся в многочисленных многосторонних и двусторонних международных договорах о поощрении и взаимной защите капиталовложений, и федеральных законах, принятых в различные периоды времени для урегулирования отдельных инвестиционных отношений без учета сферы действия и корреляции друг с другом. В результате действующее инвестиционное законодательство Российской Федерации приобрело бессистемный и противоречивый характер, требует существенной модернизации и наполнения новыми нормами с учетом развития самих инвестиционных отношений, экономических вызовов и складывающейся правоприменительной практики, о чем справедливо отмечается в юридической литературе [2, с. 9–21].

Основными существенными недостатками современного инвестиционного законодательства Российской Федерации следует признать, во-первых, наличие неоправданно огромного числа специальных федеральных законов в сфере инвестиционных отношений, которые имеют сходный предмет регулирования, но при этом по-разному регулируют такие отношения. Во-вторых, отсутствие надлежащего гражданско-правового механизма реализации многих гарантий осуществления инвестиционной деятельности, предусмотренных в действующем законодательстве. В-третьих, отставание действующего инвестиционного законодательства Российской Федерации от развития самих инвестиционных отношений, в том числе в связи с появлением новых информационных технологий и цифровых объектов, экономических вызовов международного характера, а также тенденций и перспектив развития современного международного инвестиционного и иного права и практики их применения.

К примеру, согласно п. 1 ст. 15 «Государственные гарантии прав субъектов инвестиционной деятельности» Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»¹ государство в соответствии с данным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами субъектов Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации гарантирует всем субъектам инвестиционной деятельности независимо от форм собственности:

- обеспечение равных прав при осуществлении инвестиционной деятельности;
- гласность в обсуждении инвестиционных проектов;
- право обжаловать в суд решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц;
- защиту капитальных вложений.

¹ Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.

Как видно, данное законодательное положение сформулировано в общем виде и требует обращения к другим федеральным законам. Такой бланкетный характер изложения не способствует ясному пониманию содержания норм инвестиционного права и создает неоправданные правовые риски для инвесторов, которые можно было избежать.

Следующим правовым средством в механизме правового регулирования инвестиционных отношений являются **правоотношения**. В юридической литературе справедливо отмечается, что при осуществлении инвестиционной деятельности возникают различные по своей природе правоотношения, а само правовое регулирование в данной сфере имеет комплексный (межотраслевой) характер [3, с. 18]. Так, Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» содержит шесть глав. При этом ряд из них (глава I «Общие положения» и глава II «Правовые и экономические основы инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений») касается преимущественно гражданско-правовой сферы, тогда как другие (глава III «Государственное регулирование инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений» и глава V «Основы регулирования инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, органами местного самоуправления») – публично-правовой.

Нельзя не отметить, что основная (ведущая) роль в механизме правового регулирования инвестиционных отношений принадлежит гражданско-правовым обязательствам, поскольку именно они опосредуют вложение (передачу) инвестиций (денежных средств и иного имущества) в разнообразные объекты инвестиционной деятельности (вещи и имущественные права), относящиеся к объектам гражданских прав. В процессе правового регулирования могут также возникать вещно-правовые отношения по поводу вещей, когда они выступают в качестве инвестиции или уже результата вложения инвестиции – объекта инвестиционной деятельности. В этой связи такие гражданские правоотношения существуют до или после совершения сделки по вложению инвестиции, создавая необходимые предпосылки для возникновения обязательственного правоотношения или представляют последствие его дальнейшего развития.

Помимо гражданского права, другие отрасли права, относящиеся к публичному праву, несколько не умаляя их значения, выполняют такую важнейшую функцию, как обеспечение возникновения и дальнейшего развития гражданско-правового обязательства, включая соблюдение установленных административно-правовых ограничений (требований), предоставление стимулирующих средств для инвесторов за счет бюджетных средств, а также защиту гражданских прав инвестора в рамках гражданско-процессуальных правоотношений. Вступление инвестора в такие иные правоотношения всегда обуславливается уже возникшим или будущим гражданским обязательственным правоотношением по инвестированию.

К гражданско-правовой сфере следует также относить отношения между инвестором и государством, которые возникают вследствие заключения между ними инвестиционного договора, а также неосновательного обогащения или внедоговорного причинения вреда инвестору государством в результате незаконных действий (бездействия) его органов и должностных лиц, нарушивших нормы международного и национального права, тогда как в литературе зачастую необоснованно отмечается их международно-правовой характер [4, с. 11]. Возникшее в данном случае правоотношение между инвестором и государством представляет собой не что иное, как гражданское обязательство, а сама ответственность государства является гражданско-правовой.

В отличие от положений ГК РФ, который разграничивает ответственность различных публично-правовых образований в зависимости от вида органа власти или должностного лица, причинившего вред физическому или юридическому лицу, международное инвестиционное право обычно возлагает гражданско-правовую ответственность за такой вред на принимающее государство в целом, в том числе за незаконные действия региональных и муниципальных органов власти и их должностных лиц. Так, в деле *Metalclad Corporation v. United Mexican States*

(Case No. ARB(AF)/97/1)², рассмотренном арбитражем Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС), спор возник в связи с тем, что одно из муниципальных образований Мексики запретило размещение опасных промышленных отходов мексиканской компании Coterin, которая контролировалась американской корпорацией Metalclad, несмотря на то, что данная мексиканская компания заключила с мексиканским федеральным агентством соглашение об эксплуатации соответствующего объекта размещения опасных промышленных отходов. В этом деле арбитраж МЦУИС установил нарушение международного договора в части незаконного проведения экспроприации со стороны Мексики, указав, в частности, что поведение территориальной единицы государства или организации, уполномоченной осуществлять публичные функции и действующей в соответствии со своей компетенцией, является поведением государства в целом в рамках международного права.

В определенной мере такой подход в применении норм международного инвестиционного права может упростить защиту прав и законных интересов иностранных инвесторов в случае отсутствия четкого разграничения полномочий между различными уровнями власти, дефицита региональных и местных бюджетов и соответственно невозможности исполнения вынесенных судебных или арбитражных решений. Кроме того, нельзя не обратить внимание на важность соблюдения государством своих международных обязательств, включая международно-правовые гарантии осуществления инвестиционной деятельности, предусмотренные в международных договорах о поощрении и взаимной защите капиталовложений.

Основным **юридическим фактом** в механизме правового регулирования инвестиционных отношений выступает инвестиционный договор, который представляет собой собирательную категорию и включает в себя далеко не любые гражданские договоры, как иногда отмечается в литературе [5, с. 399]. В частности, договоры дарения, возмездного оказания услуг, хранения, перевозки не предусматривают обязанности вложить инвестиции и потому не могут признаваться инвестиционными. С другой стороны, нельзя согласиться и с ограничительной трактовкой, допускающей заключение инвестиционных договоров лишь в сфере капитального строительства или на рынке ценных бумаг [6, с. 14]. По крайней мере, на широком понимании инвестиции и договорных форм осуществления инвестиционной деятельности основано современное международное инвестиционное право с его практикой применения, в том числе в МЦУИС [7, с. 122–124]. Представляется, что инвестиционный характер может носить только часть поименованных в ГК РФ договоров, например, договоры купли-продажи оборудования, финансовой аренды, строительного подряда, а также иные, предусмотренные специальными федеральными законами, например:

- а) договор участия в долевом строительстве;
- б) концессионное соглашение;
- в) соглашение о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве;
- г) соглашение о разделе продукции;
- д) соглашение об осуществлении (ведении) деятельности в особой экономической зоне;
- е) договор о комплексном развитии территории;
- ж) специальный инвестиционный контракт;
- з) соглашение о защите и поощрении капиталовложений и др.

Договор следует рассматривать наиболее адекватным средством согласования интересов инвестора и государства в случае предоставления последним различных мер государственной и муниципальной поддержки инвестору. Однако в настоящее время на уровне федерального закона не закреплён договор о государственной (муниципальной) поддержке инвестиционной деятельности, не установлены особенности его правового регулирования и не обеспечено необходимое согласование норм гражданского и бюджетного права в этой сфере, что является, наряду с другими недостатками федерального законодательства, препятствием для дальнейше-

² ICSID Review – Foreign Investment Law Journal. 2001. Vol. 16, No. 1. P. 1–35.

го развития инвестиционных отношений и их регламентации, в том числе на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Следует также отметить, что инвестиционные договоры с участием иностранных лиц, выступающие основной правовой формой вложения иностранных инвестиций, имеют ряд особенностей, требующих дополнительного урегулирования со стороны государства. В частности, это касается выбора применимого права, в качестве которого может выступать не только национальное право определенного государства, но и избранная сторонами иная совокупность норм (*lex mercatoria*, *ex aequo et bono* («по справедливости») и др.). В то же время в отношении договоров между иностранным инвестором и принимающим государством, имеющих комплексный (межотраслевой) характер (в частности, соглашений о разделе продукции и концессионных соглашений), возможность выбора сторонами на основе принципа автономии воли сторон иностранного права должна быть ограничена на законодательном уровне с тем, чтобы не допустить подчинение публично-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, иностранному праву в ущерб публичным интересам Российской Федерации. Для этого представляется необходимым предусмотреть в международных договорах и действующем законодательстве Российской Федерации использование в рассматриваемом случае такого института международного частного права, как сверхимперативные нормы, или нормы непосредственного применения (ст. 1192 ГК РФ).

Наиболее важным вопросом, возникающим на стадии реализации и применения права, выступает принудительное изъятие собственности, которое может представлять собой не только формальное прекращение права собственности частных лиц, как обычно считается в отечественной юридической науке [8, с. 1091] и закреплено в действующем гражданском законодательстве (ст. 235, 238–242 ГК РФ и др.), но и невозможность и существенные ограничения в осуществлении правомочий собственника при формальном сохранении за ним права собственности (косвенная, или непрямая, экспроприация). Все многообразные формы такого изъятия целесообразно определять одним общим термином – экспроприацией (принудительным изъятием имущества), который в отличие от действующего российского законодательства получил широкое распространение в международном праве и международной арбитражной практике. При этом в доктрине и большинстве заключаемых международных договоров о поощрении и взаимной защите капиталовложений обычно указывается на необходимость соблюдения следующих условий для ее законного осуществления:

- а) в публичных целях;
- б) на недискриминационной основе;
- в) с выплатой компенсации;
- г) в соответствии с установленным порядком [9, с. 343].

В случае невыплаты государством компенсации такое неправомерное его действие следует рассматривать в качестве деликта с возложением гражданско-правовой ответственности на государство. При этом во избежание нарушения прав инвесторов и в целях формирования единообразия в толковании и применении государственными судами и международными коммерческими арбитражами норм права об экспроприации в положениях международных договоров и действующего российского законодательства необходимо четко определить перечень действий принимающего государства, не признаваемых экспроприацией, а также порядок такого изъятия, предусмотрев, в частности, случаи, когда возможно в качестве исключения применить ограничение размера возмещения причиненных иностранному инвестору убытков (к примеру, реальным ущербом) и соответственно выплачиваемой в этой связи компенсации.

На стадии применения права принимаются судебные и иные **правоприменительные акты**, в первую очередь при разрешении инвестиционных споров. Споры между инвестором и иным физическим или юридическим лицом, или государством, которые возникают из гражданских правоотношений, в том числе вследствие нарушения инвестиционного договора или внедоговорного причинения вреда инвестору, имеют гражданско-правовой характер

и подлежат разрешению в судебном порядке. Так, к примеру, п. 2 ст. 17 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» прямо устанавливает, что споры, связанные с инвестиционной деятельностью, осуществляемой в форме капитальных вложений, разрешаются в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации. При этом последние могут предусматривать возможность рассмотрения данных споров между иностранным инвестором и Российской Федерацией не только в судах государства – реципиента иностранных инвестиций, но и в международных коммерческих арбитражах при наличии арбитражного соглашения, в том числе при торговой палате любого государства, в арбитражном суде *ad hoc* и МЦУИС³.

Таким образом, рассмотренные в статье гражданско-правовые средства разнообразны, при этом главное из них – это гражданско-правовое обязательство по вложению инвестиции. Все они призваны обеспечить в первую очередь свободу экономической деятельности через установленные законом равенство прав и иные гарантии инвестора. Это предполагает не только формальное закрепление таких прав и гарантий в действующем инвестиционном законодательстве Российской Федерации, но и применение многообразных гражданско-правовых и иных правовых средств, предусмотренных в многочисленных федеральных законах, в системной связи друг с другом, что, несомненно, должно повысить качество и эффективность действующего правового регулирования инвестиционных отношений на современном этапе его развития.

Список литературы

1. **Алексеев С. С.** Общая теория права. М.: Проспект, 2009. 576 с.
2. **Гутников О. В.** Проблемы развития инвестиционного законодательства в Российской Федерации на современном этапе // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 9–21.
3. **Мороз С. П.** Инвестиционное право Республики Казахстан. Алматы: КазГЮУ, 2006. 509 с.
4. **Хобер К.** Ответственность государства и инвестиционный арбитраж // Международный коммерческий арбитраж. 2007. № 3. С. 7–30.
5. **Гущин В. В., Овчинников А. А.** Инвестиционное право: Учебник. М.: Эксмо, 2006. 688 с.
6. **Майфат А. В.** Гражданско-правовые конструкции инвестирования. М.: Волтерс Клувер, 2006. 328 с.
7. **Dolzer R., Kriebaum U., Schreder Ch.** Principles of International Investment Law. Oxford, 2022. 560 p.
8. **Голубцов В. Г.** Приватизация и национализация: проблемы законодательного регулирования // Lex Russica. 2007. Т. 66. № 6. С. 1087–1092.
9. **Лисица В. Н.** Инвестиционное право. Новосибирск, 2015. 568 с.

References

1. **Alekseev S. S.** General Theory of Law. Moscow, 2009. 576 p. (in Russ.)
2. **Gutnikov O. V.** Problems of Development of Investment Legislation of the Russian Federation on the Present Stage // Zhurnal rossiiskogo prava. 2020. No. 1. P. 9–21. (in Russ.)
3. **Moroz S. P.** Investment Law of Republic of Kazakhstan. Almaty, 2006. 509 p. (in Russ.)
4. **Hober K.** Responsibility of State and Investment Arbitration // Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh. 2007. No. 3. P. 7–30. (in Russ.)

³ См.: пункт 85 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (Приложение № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 05.08.2021)) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 16.01.2015.

5. **Guschin V. V., Ovchinnikov A. A.** Investment Law. Moscow, 2006. 688 p. (in Russ.)
6. **Maifat A. V.** Civil Law Structures of Investing. Moscow, 2006. 328 p. (in Russ.)
7. **Dolzer R., Kriebaum U., Schreder Ch.** Principles of International Investment Law. Oxford, 2022. 560 p.
8. **Golubtsov V. G.** Privatization and Nationalization: Problems of Legislative Regulation. Lex Russica. 2007. Vol. 66, no. 6. P. 1087–1092. (in Russ.)
9. **Lisitsa V. N.** Investment Law. Novosibirsk, 2015. 568 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Валерий Николаевич Лисица, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН
SPIN 6003-1410

Information about the Author

Valeriy N. Lisitsa, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Leading Scientific Researcher of Sector of Civil and Business Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
SPIN 6003-1410

*Статья поступила в редакцию 23.03.2023;
одобрена после рецензирования 31.03.2023; принята к публикации 31.03.2023*

*The article was submitted 23.03.2023;
approved after reviewing 31.03.2023; accepted for publication 31.03.2023*